

УДК 316.344.24:331.54(470+571)

В.В. Солодников, И.В. Солодникова
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА 40-ЛЕТНИХ РОССИЯН:
ВЫБОР ПРОФЕССИИ

Авторы работают в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ).

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии. E-mail: solodnikovv@mail.ru

СОЛОДНИКОВА Ирина Витальевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной психологии. E-mail: solodnikovv@mail.ru

В статье рассмотрены первые шаги в освоении профессии сегодняшними 40–50-летними россиянами: выбор ими профессии или первого места работы в контексте возрастного развития, первичный выбор с точки зрения профессиональной карьеры и проиллюстрированы известные науки закономерности данными эмпирического исследования — биографических интервью.

Ключевые слова: профессиональный путь, карьера, профессиональный выбор, ресурсные ограничения.

Не подлежит сомнению, что профессиональный путь имеет огромное значение в жизни человека, во многом определяя его социальный статус и Я-идентичности личности.

Процесс профессионального самоопределения молодежи достаточно детально изучен современной гуманитарной наукой, в том числе российской. При этом в большинстве случаев (в отличие от наших данных, которые были получены от взрослых — старше 40 лет — россиян на основе их воспоминаний¹³) изучались профессиональные планы старшеклассников или выпускников средней школы.

В российской традиции начальные этапы профессионального пути рассматриваются в контексте развития личности молодого человека в целом. Так, Т.В. Драгунова (цит. по: [1]) выделяет формирование «чувства взрослости», которое проявляется у подростка как субъективное переживание готовности быть полноправным членом общества взрослых, добиваться, чтобы старшие уважали достоинство его личности, считались с его мнением. По мнению автора, оно имеет четыре основных аспекта:

- 1) подражание внешним признакам взрослости;
- 2) ориентация мальчиков на качества «настоящего мужчины»;

© Солодников В.В., Солодникова И.В., 2011

- 3) интеллектуальная взрослость;

¹³ На основе 32 биографических интервью (более подробное описание объекта исследования см. предыдущие авторские публикации).

- 4) социальная зрелость, условием формирования которой может быть тяжелое материальное положение родительской семьи подростка, в связи с чем ему приходится в той или иной мере осваивать социальные роли взрослых.

В этом описании «чувства зрелости», которое является основанием первичного профессионального выбора, обращают на себя внимание две особенности.

Во-первых, одним из компонентов этого новообразования является становление гендерной идентичности почему-то только мальчиков.

Во-вторых, социальная зрелость подростка тесно связана с материальным положением родительской семьи, а субъективно воспринимаемый ее недостаток может играть существенную роль на начальных этапах выбора профессиональной траектории личности.

Старший подростковый возраст, с точки зрения отечественных психологов, — это такой этап жизненного пути личности, когда важной психологической задачей развития личности становится профессиональное самоопределение. По мнению Д.Б. Эльконина [2], именно оно в этом возрасте является новообразованием.

Л.И. Божович говорит о самоопределении в целом как новообразовании подросткового возраста, формирующемся в старшем подростковом возрасте (16–17 лет). При этом самоопределение — это необходимость определить свое будущее, в первую очередь через выбор профессии [3].

Как отмечает Н.С. Пряжников [4], выбор профессии тесно связан с выбором стиля жизни, подразумевающим ответы на вопросы: в целом «Кем быть?» (какое место занять в системе общественного разделения труда и в какой степени благодаря своей профессиональной деятельности можно удовлетворить свои потребности и реализовать способности) и в частности «К какой социальной группе принадлежать?», «Где и с кем работать?» (к какому социальному статусу стремиться).

Ответы на эти вопросы зависят от множества факторов, влияющих на выбор человеком своей будущей профессии. О.В. Москаленко выделяет среди них следующие основные [5]:

— традиция, когда вопрос о выборе не возникает в силу традиций и обычаев выбора профессии, принятых в (пра)родительской семье;

— случай — выбор происходит в силу некоего значимого события, определившего выбор будущей профессии;

— долг — выбор диктуется представлением о долге, своей миссии или обязательствах перед людьми;

— целевой выбор — сознательное определение целей своей будущей профессиональной деятельности, исходящее из анализа реальных возможностей.

Применительно к предложенной классификации факторов первичного профессионального выбора важно отметить две особенности: 1) следование традиции и/или долгу, по сути, является различными проявлениями конформизма; 2) три первых фактора (традиция, случай, долг) в значительной мере по отношению к личности являются внешними, а последний (целевой выбор) — внутренним. Такая типология во многом перекликается с идеей Ф. Герцберга о трудовой мотивации. Он выделял аналогичные две группы факторов и относил к первой заработную плату, условия труда, статус, режим работы, межличностные

отношения с коллегами и руководителями и т.п., а ко второй — возможности личностного роста, общественное признание, продвижение по службе, содержание работы и пр.

Ф. Райс [6] и Х. Ремшмидт [7] тоже считают выбор и освоение профессии — одной из задач развития, присущих юношескому возрасту. «Выбор профессии и профессиональную деятельность следует рассматривать с точки зрения решения возрастных задач развития. Сюда относятся овладение профессией, выработка стратегий преодоления трудностей, включение профессионального труда в сложившийся ход жизни» [7, с. 180].

В юношеском возрасте (17–18–23 года, по мнению А.А. Ларионовой-Кречетовой) возможны коррекция профессиональных планов и даже переживание кризиса (цит. по: [8]). Его причинами могут быть неудовлетворенность профессиональным образованием и подготовкой, ведущие к разочарованию от получаемой профессии и сомнениям в правильности выбора. Наиболее часто этот кризис наблюдается на первом и последнем годах обучения профессии.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев [9] также отмечают, что в юности могут возникнуть разочарования в своем профессиональном и жизненном выборе, связанном с его необдуманностью или переживанием расхождения идеального представления о выбранной профессии с реальной работой.

Социальные аспекты выбора профессии в СССР изучали М.Х. Титма и Э.А. Саар [10]. Ими было проведено лонгитюдное исследование (17-летних) выпускников средних школ ЭССР 1966 г., продолжавшееся до достижения ими возраста 31 год.

Наиболее важным фактором осуществления профессиональных планов оказалось место жительства респондента: чем крупнее было поселение, в котором родился человек, тем с большей вероятностью осуществлялись его планы. Мы полагаем, что эта закономерность только усилилась в период радикальных социальных изменений и в настоящее время.

Вторым по значимости фактором осуществления профессиональных планов было образование родителей респондентов: дети родителей с высшим образованием с наибольшей вероятностью тоже заканчивали вуз.

На основе данных своих многолетних исследований известный отечественный социолог В.Н. Шубкин делает вывод о том, что престиж каждой профессии в общественном мнении находится в обратном отношении к ее массовости. Исследователь визуализирует это в виде двух зеркальных пирамид: первая изображает реальную потребность общества в кадрах определенной профессии, а вторая, перевернутая, — степень привлекательности профессии для молодых людей, вступающих в жизнь. Чем престижнее профессия, тем больше в ней будет кандидатов на одно место и больше отсея, желающих же освоить массовые профессии изначально меньше, чем рабочих мест (цит. по: [11]).

Говоря о первичном профессиональном выборе личности нельзя не упомянуть взгляды Э. Эриксона [12]. По его мнению, представление о профессиональном пути личности закладывается в подростковом возрасте. В это время формируется первая цельная (завершенная) идентичность (Ego-identity), в основе которой лежит чувство тождественности самому себе против спутанности ролей (identity diffusion). Неудачи же в становлении идентичности в этом возрасте ученый связывал с неспособностью сформировать профессиональную идентичность. Если же молодой человек не «вписывается» в предписанные обществом образцы поведения, он может оказаться в психосоциальном моратории, т.е. взять отсрочку от выполнения социальных обязанностей взрослого человека для поиска своего уникального жизненного пути, в том числе и профессионального.

Таким образом, мораторий — это отсрочка от выполнения индивидом обязанностей, накладываемых обществом на своих взрослых членов. Как считают последователи ученого, в современных обществах институционализированным мораторием является обучение в вузе.

Вместе с тем не следует забывать, что юношеский возраст захватывает начало шестой стадии формирования идентичности личности по Э. Эриксону (18–30 лет), содержанием которой (помимо профессионального выбора) является поиск спутника жизни, желание тесного сотрудничества с другими, стремление к близким, дружеским связям с членами своей социальной группы. Негативным полюсом развития идентичности на этом этапе жизненного пути становится изоляция и одиночество (Isolation).

Еще один зарубежный исследователь — Д. Левинсон [13] важным аспектом проживания данного возрастного периода считал формирование Мечты — некоторого жизненного плана, который человек впоследствии пытается реализовать. Частью этого плана являются профессиональные устремления. Так, ученый отмечал, что Мечта может быть трудноосуществимой (открыть лекарство от рака, стать олимпийским чемпионом, получить Нобелевскую премию) или приземленной — жить в своем домике в пригороде с двумя хорошо воспитанными детьми. Левинсон считал, что в дальнейшей жизни личность неоднократно возвращается к своей Мечте, сверяется с ней.

Сведем вышеизложенные данные о первых шагах человека в профессии в таблицу 1.

Таблица 1 Профессиональное становление личности в старшем подростковом и юношеском возрасте

Автор	Старший подростковый возраст	Юношеский возраст
Д.Б. Эльконин	Профессиональное самоопределение	
Т.В. Драгунова	Чувство взрослости (включая гендерную идентичность мальчиков и социальную зрелость, связанную с материальным положением родительской семьи)	
Л.И. Божович	Самоопределение, в том числе профессиональное	
Н.С. Пряжников	Выбор профессии и связанного с ним стиля жизни	
Э. Эриксон	Первая цельная (завершенная) Я-идентичность, выбор профессии — важная ее составляющая	Психосоциальный мораторий, стремление к близким, дружеским связям с членами своей социальной группы
Д. Левинсон		Формирование Мечты
Ф. Райс, Х. Ремшмидт		Включение профессионального труда в сложившийся ход жизни
А.А. Ларионова-Кречетова		Возможны кризис и коррекция профессиональных планов
В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев		Возможны расхождения идеального представления о выбранной профессии с реальной работой
М.Х. Титма, Э.А. Саар		Важность места жительства и образования родителей для реализации жизненных планов молодых людей
В.Н. Шубкин		Престижность профессии обратно пропорциональна общественной потребности в ней

Выбор профессии в подростковом и юношеском возрасте во многом определяет его дальнейшую профессиональную карьеру. Это понятие хорошо разработано в гуманитарных науках. В его изучение внесли вклад социологи, психологи, специалисты по управлению персоналом, акмеологи. Для нас в данном случае интерес представляют самые начальные этапы карьеры.

Существует множество подходов к пониманию карьеры. Так, по мнению известного психолога А.К. Марковой [14], *карьера в узком смысле* — должностное продвижение, обеспечивающее профессиональное и социальное самоутверждение работника в соответствии с уровнем его квалификации, где основным ее содержанием выступает достижение определенного статуса, занятие определенной должности. *Карьера же в широком смысле* — профессиональное продвижение от выбора к овладению профессией, профессиональный рост, переход от одних ступеней профессионализма к другим, овладение профессиональным мастерством, творчеством. Для нашего исследования представляет интерес карьера в широком ее смысле.

Специалисты, изучающие профессиональный путь личности, достаточно конкретно определяют временные границы прохождения человеком этапов карьеры. Так, Д. Супер (Super, 1957) (цит. по: [15]) выделяет следующие начальные этапы карьеры:

- *этап роста (от рождения до 14 лет). В это время формируется Я-концепция. В своих играх дети примеряют на себя различные роли, выясняя, что им нравится и что у них хорошо получается. Появляются интересы, которые могут повлиять на будущую карьеру;*
- *этап исследования (от 15 до 24 лет). Юноши и девушки пытаются разобраться и определиться в своих потребностях, интересах, способностях, ценностях и возможностях. Основываясь на результатах такого самоанализа, они продумывают возможные варианты профессиональной карьеры. К концу этого этапа молодые люди обычно уже подбирают подходящую профессию и начинают ее осваивать;*

Р. Хейвиргист (цит. по: [15, с. 715]), еще один исследователь карьеры, следующим образом видит ее начальные этапы:

- *идентификация с работником (от 5 до 10 лет). Дети идентифицируются со своими работающими отцами и матерями, и намерение работать в будущем становится частью их Я-концепции;*
- *приобретение основных трудовых навыков и формирование трудолюбия (от 10 до 15 лет). Школьники учатся организовывать свое время и усилия для выполнения различных задач, например, домашних заданий или работы по дому. Они также начинают в определенных обстоятельствах следовать принципу: сначала работа, а потом игра;*
- *приобретение конкретной профессиональной идентичности (от 15 до 25 лет). Человек выбирает профессию и начинает себя к ней подготавливать. Он приобретает определенный трудовой опыт, который помогает ему сделать выбор и начать карьеру.*

Первой стадией трудового пути мужчины является *неустойчивая стадия или стадия создания карьеры (до 30 лет)*. Молодой человек ценит работу, которая интересна и не монотонна. Ни заработок, ни карьерная стабильность не являются основаниями для выбора работы в этом возрасте. Этот период может быть временем поиска направления долговременной карьеры (цит. по: [16]).

Видимо, неслучайно большинство зарубежных ученых посвящали свои работы исследованиям мужского профессионального пути. Возможно, это было связано с тем, что профессиональный путь женщины не представлялся предметом, достойным изучения.

Однако меняющаяся социальная ситуация на Западе заставила обратить внимание на женщин. Например, согласно the National Center for Education Statistics [17], к началу XXI в. американки обладали 58% всех образовательных степеней и 59% степени магистра в США.

Некоторой компенсацией этого стало рассмотрение Д. Супером (D. Super 1957, 1971, 1990) (цит. по: [18]) возможностей *женской профессиональной карьеры*.

Он попытался адаптировать свою теорию развития карьеры для женщин, выделив семь карьерных паттернов или маршрутов (routes):

- 1) стабильное ведение домашнего хозяйства и вступление в брак вскоре после окончания школы без опыта работы вне дома;
- 2) конвенциональный карьерный паттерн: непродолжительная работа после завершения образования до вступления в брак. В дальнейшем — нет возвращения к работе вне дома;
- 3) стабильная работа вне дома с устойчивым местом работы;
- 4) двойная занятость (double-track) — совмещение работы и домашних обязанностей;
- 5) прерванная карьера: работа–уход–возвращение на ту же или другую работу;
- 6) нестабильная карьера: несколько мест работы с периодами ее отсутствия; без каких-либо возвращений и слабой устойчивостью;
- 7) множественные пробы: последовательная смена несвязанных между собой видов работы.

Примечательно, что, согласно данным лонгитюдного исследования (Mulvey, 1963) выпускниц школы через 20–27 лет, было выявлено, что основная детерминанта их удовлетворенности жизнью — степень свободы при выборе карьеры: наименее удовлетворены оказались те, чей карьерный путь был обусловлен финансовыми или другими (внешними) факторами, но не их собственным выбором.

Рассмотрев теоретические подходы, интерпретирующие первичный профессиональный выбор с точки зрения этапа жизненного пути человека и его трудовой карьеры, обратимся к анализу того, как он осуществлялся нашими респондентами. Первоначальное профессиональное самоопределение поколения 40-летних во времена СССР (после окончания 8 или 10 классов средней школы) предполагало возможность:

— пойти работать после 10 классов средней школы, предварительно (или параллельно с работой) окончив краткосрочные профессиональные курсы при каком-либо производстве;

— поступить в профессионально-техническое училище (ПТУ), готовившее квалифицированных рабочих за 3 года (после 8 классов с завершением среднего образования) или за год (после 10 классов);

— поступить в техникум, готовивший специалистов среднего звена за соответственно 4 и 3 года;

— поступить в вуз;

— для юношей прекратить обучение, трудоустроиться и по достижении 18 лет пойти служить в армию.

Принятие того ли иного решения, одного из наиболее значимых экзистенциальных, связано с побуждениями, интересами личности (и ее ресурсами, прежде всего качеством полученного образования и уровнем здоровья), с одной стороны, и социальной востребованностью тех или иных профессий, специальностей, в рамках существующих социальных «правил игры» — с другой.

Под последними следует понимать не только декларируемые и пропагандируемые ценности («...молодым везде у нас дорога...»), но и ограничения, накладываемые возможностью реальной географической и социальной мобильности. Для переезда на учебу была необходима материальная поддержка родителей (доступной для самостоятельного решения нишей оставались рабочие специальности на стройках коммунизма или в регионах с дефицитом трудовых ресурсов, а также местные вузы). А движение «социальных лифтов» в ряде случаев ограничивалось необходимостью специальных рекомендаций (в случае МГИМО — от местных партийных органов). Более того, еще 1970-е гг. В.Н. Шубкиным было показано кардинальное («зеркальное») несовпадение ориентаций советской молодежи (на престижные творческие профессии, требующие высшего образования) и потребностей экономики в трудовых ресурсах (когда массовыми профессиями оказывались те, которые требовали средней квалификации).

Родительская семья при этом оказывалась между молотом и наковальней. Ее промежуточное положение было обусловлено двумя группами факторов:

— установки и ценностные ориентации родителей (прежде всего о значимости высшего образования для жизненного успеха своих детей), сохраняющиеся по сей день¹⁴. Эти установки предполагали большую или меньшую степень вмешательства в процесс принятия решения о профессиональном самоопределении ребенка и зависели от характера детско-родительских отношений в целом (эмоциональная близость, доверительность, гиперопека и т.п.). Есть основания полагать, что на этом этапе жизненной траектории дисциплинарные родительские практики были более строгими в отношении девочек;

— накопленные ресурсы родительской семьи — ее жилищные условия и материальное положение (предполагавшее, например, возможность материальной поддержки ребенка при поступлении в вуз и/или обучения в нем), профессионально-образовательный статус супругов (знание определенных профессий изнутри, престижность профессии, властный ресурс должности...).

Полученные данные (с учетом предпринятого выше анализа) могут быть типологизированы следующим образом (см. рис. 1). При этом следует помнить, что они были получены ретроспективно — от 40–50-летних респондентов, реконструирующих свою молодость, поэтому, с одной стороны, возможна идеализация прошлого, а с другой — более откровенные ответы о материальных, финансовых трудностях, которые в советские времена рассматривались как социально нежелательные мотивировки выбора профессии.

Обратимся к описанию первичного профессионального выбора, двигаясь по схеме, представленной на рис. 1, слева направо.

Мотивированность профессионального выбора изнутри (Ф. Герцберг), или целевой

¹⁴ По данным ВЦИОМ, в качестве основных мотивов получения высшего образования россияне рассматривают трудоустройство на хорошую работу (33% ответов) и обретение профессионализма (25%). Первую причину чуть чаще указывают 35–44-летние (36%), а вторую, реже, — 25–34-летние (20%). Статистическая погрешность данных не превышает 3,4% [19].

выбор (по О.В. Москаленко), предполагает сформированную систему установок и ценностей самого молодого человека, в соответствие с которой предпринимались попытки выстроить свой «жизненный проект». Такой тип первоначального профессионального выбора представлен у наших респондентов в двух вариантах:

Юношеская мечта, призвание, которое в отличие от детских мечтаний (стать балериной, актрисой, летчиком...) сохранилось до юношеского возраста и воплотилось в первый профессиональный выбор. Иногда для реализации устойчивого интереса к будущей специальности (чаще всего — медицине) требовались неоднократные попытки поступления в вуз (включая окончание медучилища и/или службу в армии, что давало льготы при последующем поступлении в медвуз) и преодоление дискриминации по признаку пола (девочек «резали» больше). Можно предположить, что усилия, которые затрачивали наши респонденты, были связаны с престижностью этой профессии.

Рисунок 1 – Схема первичного профессионального выбора

Иногда отмечается возможность следования профессиональным устремлениям безотносительно к будущим заработкам («тогда нисколько не задумывалась о материальной обеспеченности...»). Отчасти это соответствует образу «своего поколения» (более подробно см.: [20]), среди черт которого отмечается немеркантильность.

— «...Я поступила в медицинский институт сразу в 17 лет... (этого) я хотела много лет... врач... (это была) единственная мечта — я хотела наукой заниматься...» (Женщина, 54 года, высшее медицинское образование).

— «...Наверное, я почувствовала призвание классе в 8–9-м. По моему зодиакальному знаку это мое. Я Дева, поэтому помогать людям — это мое... Самое главное, что поступила в институт без блата... (мечта была) стать доктором...» (Женщина, 48 лет, высшее медицинское образование).

— «...После школы пытался поступить в (мед?)институт. С физикой я до сих пор не очень дружу — естественно, «пролетел». Поступил в медицинское училище. Окончил, стал фельдшером. Поработал немножко на «скорой помощи», ушел на 2 года в ряды Вооруженных сил. После армии вернулся, попытался поступить в институт — «пролетел», поступил на подготовительные курсы, окончил подготовительные, поступил в институт,

окончил его... По специальности “лечебное дело, скорая помощь”...» (Мужчина, 42 года, высшее медицинское образование).

— «...Сначала школа была. Потом я поступила в медицинское училище, окончила с отличием. Отработала 2 года, получила льготное поступление в мединститут... Поступить тяжело оказалось. Это был 76-й год, когда я окончила школу... и тогда в основном брали мальчиков. Мне полбала не хватило. Я пошла в медучилище, чтобы не терять время и проверить, на своем ли я месте... Больше половины из нас закончили с “красными” дипломами, получив право и справку о 5%-ном (квота для выпускников медучилищ) поступлении на дневное отделение института. Тогда это было сложно. Я второй раз поступала и опять недобрала бала, потому что «резали» девчонок страшно. Но отработав два года, я получила льготный проходной бал, как работающий человек, медицинское звено. Поступила в третий раз — Бог любит троицу...» (Женщина, 48 лет, высшее медицинское образование).

— «...выбирала очень просто. Я решила поступить в МГУ. С шести лет пошла в школу и в шестнадцать уже окончила ее. Я поехала в МГУ и поняла, что зимними поздними вечерами и темным утром не буду ходить от метро «Ленинский проспект» в этот гуманитарный корпус, который находится у черта на рогах. Тогда я поехала в историко-архивный, посмотрела на состав абитуриентов — и как-то мне не очень... Они были с папами, мамами, приезжали на дорогих машинах, а это был 76-й год. И я подумала: “Нет, я не буду сюда поступать”. Было понятно, что скорее всего здесь нужны деньги и связи. Истфак тогда котирировался. Тогда я поехала в ленинский (Московский государственный пединститут им. В.И. Ленина). Там было 8 человек на место, я поехала в Крупской (Московский государственный пединститут им. Н.К. Крупской) — там было 4. Я пошла по линии наименьшего сопротивления. Но в результате в Крупской оказалось 14 человек на место, а в ленинском — 8. Но я там и осталась...» (Женщина, 48 лет, москвичка, высшее гуманитарное образование).

— «Я хотела быть и балериной, и врачом. Был тяжелый период: у меня начался псориаз и я вынуждена была балетную школу бросить. Остался один путь — только врач...» (Женщина, 54 года, некоренная москвичка, высшее медицинское образование).

— «...в школьном возрасте... мне всегда нравились машины. Я хотел быть водителем уже тогда... Учился в Москве. В обыкновенной школе... доучился до восьмого класса, потом пошел в ПТУ — профессионально-техническое училище. И параллельно в вечерней школе учился... Мне всегда нравились машины, никто на меня не влиял. Отучился. Тогда год учились. И после мы уже пошли на автобазу, ремонтировали автомобили. После этого, когда время подошло, меня от военкомата направили учиться на водителя. Так что, до армии я еще успел поездить здесь, по Москве...» (Мужчина, 47 лет, москвич, без высшего образования).

Хобби, внешкольные интересы и увлечения — в этом случае устойчивая профессиональная направленность личности формировалась на основе внешкольных увлечений, не вписывалась в стандартные учебные предметы школьной программы. Но в то же время предполагала наличие соответствующего практического опыта и отсутствие прямого влияния значимых других.

— «У меня было увлечение, и я просто пошел по нему... Мне никто ничего не говорил... (инженер-электронщик)» (Мужчина, 43 года, высшее техническое образование).

— «...На мой выбор повлиял мой друг школьный. Мы с ним занимались радиоэлектроникой еще со школьной скамьи...» (Мужчина, 47 лет, незаконченное высшее техническое образование).

— «...Какой-то определенной цели, наверное, не было. Может быть, у моих друзей, у одноклассников — у кого-то и было, но это уже семейные традиции или пример. Если у тебя оба родителя работают в Академии наук, и сына или дочь в эту сторону толкают. Если родители медики, соответственно, и ребенок тоже — с детского сада задано направление. У меня такого не было. Обычные родители, обычная семья — пожалуйста, выбирайте сами. В тот момент у меня была склонность к вычислительной математике и кибернетике. Может быть, слово “компьютеры” в то время не было так распространено, но, по крайней мере, чувствовалось, что будущее за этим... Учился в Энергетическом институте... пытался поступить в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМК)» (Мужчина, 42 года, высшее техническое образование).

Альтернативной возможностью мотивированности профессионального выбора выступала **внешняя ее составляющая** (Ф. Герцберг), или **выбор на основе традиции, долга** (по О.В. Москаленко).

Некоторые наших респонденты в выборе профессии руководствовались традициями семьи, выбирали тот профессиональный путь, который уже проложили им родители или старшие братья и сестры¹⁵.

— «...Я училась в (московском) техническом вузе... Связано это было с тем, что в нем в свое время учились мои папа и брат...» (Женщина, 45 лет, высшее техническое образование).

— «(выбрала ВГИК) Потому что родители «киношники»... Мы знали, какая работа нас ждет... (мечты не было)... Мы жили в довольно таких... несвободных условиях, потому что родители к нам строго относились. Чтобы им было спокойно и благополучно, они, может быть, не очень задумывались о том, хорошо ли нам, а может быть, мы чего-то другого хотим. И это было железно. Я свою маму боялась до 30 лет, пока второй раз замуж не вышла. А потом я поняла: ну, сколько можно бояться... А я ее боялась, отчитывалась перед ней. Так нас вырастили...» (Женщина, 52 года, высшее гуманитарное образование).

— «...отец всю жизнь водителем проработал. И старшие братья тоже. И я пошел... когда 8 классов окончил, дальше не взяли — в девятый. Пришлось в ПТУ окончить 10 классов. А специальность — это так уж, чтобы окончить 10 классов... мечты не было. Быть водителем. Водителем-дальнобойщиком. По границам. Вот так...Я машины всегда любил. С детства. Меня папа в сад возил на машине. Брат, когда уже работал водителем, давал мне порулить. Хотя прав не было. Навыки были. Может, гены передались...» (Мужчина, 51 год, без высшего образования).

¹⁵ Примечательно, что у наших респондентов отсутствуют профессиональные выборы, основанные на чувстве долга. Не исключено, что подобная мотивировка могла быть выявлена при непосредственном опросе старшеклассников и обусловлена социальной желательностью ответов времен СССР. Более того, по воспоминаниям респондентов, их родители тоже не использовали «чувство долга» в качестве аргумента выбора профессии своими детьми.

Мотивированность профессионального выбора влиянием родственников и других взрослых. Часть наших респондентов опиралась при выборе профессии на мнение родственников или других взрослых. Существенными для них оказались микросоциальные (мнение ближайшего социального окружения, социальный статус родителей — их связи, возможности помощи в построении карьеры) и/или макросоциальные (престижность специальности, уровень конкуренции при ее получении, сложившиеся, в том числе неписанные, латентные — социальные нормы).

— «Я училась... в музыкально-педагогическом (училище), высшее образование получила там — факультет дошкольного (воспитания)... Папа купил баян и хотел научить сына, моего брата; брат отказался — меня заставили. В 7 лет меня посадили — баян большой, меня еле видно. Короче, из-под палки где-то что-то, а потом мне понравилось. Знаете, в нашем поколении очень многие девчонки в нашем дворе играли на аккордеонах, но мне достался баян, потому что купили инструмент. На пианино, на скрипке... один даже на балалайке играл. И почему-то во дворе — я раньше жила в Бирюлево — почему-то было принято... Мне было 10–12 лет. Вечером нас высаживали родители на скамейку, и мы играли. Понимаете? Кто на чем. Хвалились что ли родители этим... Мама сидела, вязала, а я на баяне играла. Зачем это было надо? Сейчас я бы, конечно, не высадила (ребенка), но раньше это было принято. Был маленький двор, и Гриша играл на аккордеоне, Светка — на скрипке. Пианино, конечно, никто не вытаскивал. Почему-то это было так, а сейчас это не принято... Сейчас в нашем доме никто не занимается на музыкальном инструменте. Обычно же это слышно — нет, что-то тишина и покой...» (Женщина, 52 года, высшее гуманитарное образование).

— «...Мама хотела, чтобы я была бухгалтером, а я отказалась. Мне казалось, что это скучная работа. Вот сейчас, например, жалею — я понимаю, что она не такая уж и скучная...» (Женщина, 53 года, высшее педагогическое образование).

— «...нестандартная у меня ситуация, как я выяснила уже к середине жизни. Училась я очень средне, прямо скажем, — и тройки, и четверки, и пятерки. А любимая оценка вообще была пять-два — пять за содержание, два за оформление. И спасибо моим учителям по истории и по географии плюс моей бабушке, царство ей небесное. Они как-то сразу задали нужный вектор, и я стала искать, что мне дальше в жизни предстоит...» (Женщина, 46 лет, высшее естественно-научное образование).

— «...в старших классах школы в свободное от учебы время... (я был)... ди-джем, т.е. я крутил на дискотеке музыку... просто директор дома культуры, в котором я тогда крутился, говорит: «А почему бы тебе и не пойти — мы дадим тебе направление. Я и пошел. Это получилось совершенно случайно... Мечта была стандартная для того времени: нормальная работа, нормальная семья. Каких-то высоких, типа хочу быть космонавтом, не было. Все было достаточно приземлено». (Мужчина, 43 года, незаконченное высшее гуманитарное образование).

— «...(на выбор профессии) повлияла подруга матери, которая работала каким-то серьезным преподавателем — деканом, по-моему. Она дружит с матерью с детства, мы дружили семьями, я дружил с ее дочкой — в общем, всю мою молодость достаточно тесно и часто встречались, они были близкими семье людьми. Она мне объясняла, что химия — это здорово, это хорошо, это замечательно и она мне будет помогать. Хотя реально... Она была очень хорошей женщиной, но у нее были очень твердые моральные принципы: никаких

поблажек ни при поступлении, ни во время учебы я не имел...» (Мужчина, 50 лет, высшее техническое образование).

— «...я занималась спортом (спортивной гимнастикой). Мне хотелось достичь каких-то успехов в спорте... потом я хотела поступить в медицинский вуз. Потом все изменилось, и я стала инженером... Так случилось. Неожиданно, на самом деле, для меня. Для меня это достаточно болезненный вопрос, что не сложилось... Тогда было так: все должны были учиться. И инженерные специальности были востребованы. Поэтому я тоже себе избрала себе надежную, проторенную тропу... И родители, конечно, тоже сказали: «Ну, ладно, иди туда»...» (Женщина, 46 лет, высшее техническое образование).

Стремление к материальной обеспеченности. Если рассматривать профессию только как способ достижения материального благополучия, то ее содержание становится неважным. В ряде случаев у респондентов действительно не проявлялось отчетливых профессиональных предпочтений, но иногда, видимо, отмечалась конкуренция мотивов — интереса к специальности (медицина) и последующего выбора (торговля), в конечном счете с победой последнего.

Именно стремление добиться лучшего материального положения в сравнении с родительской семьей, которая задавала уровень сравнения (Л. Фестингер) в данном случае выступало в качестве доминирующего мотива.

— «...Я потерял интерес к учебе... Появился интерес к противоположному полу и ветер в голове. Все. Никакой учебы. Я знал, если на заводе 220 рублей получали рабочие, зачем мне эта инженерная должность. Конечно, я потом сильно жалел, да и сейчас жалею. Но сказать, что локти кусаю — никогда в жизни!.. (окончил техникум по специальности «энергетика»)»...» (Мужчина, 43 года, без высшего образования).

— «...Я самая старшая в семье, и у меня была мечта — чтобы дома пахло щами-пирогам. Прямо сказано, но это так. Чтобы дома не было скандалов, было тихо, спокойно, чтобы всем места хватало. Конечно, тогда не хватало всем места — двухкомнатная квартира на 5 человек. Квартира 20 метров всего была... Вот я помню из детства, что я не мечтала и никто не мечтал о заграницах, этого не было, а мечтала, чтобы у нас была квартира хорошая, не было скандалов, чтобы лыжи были не одни, а три пары. Знаете, у нас были одни лыжи, и мы из-за них постоянно ссорились. Я до сих пор помню, что физкультура была в один день и у меня, и у брата, а у нас только одна пара лыж. И мне поставили «двойку», и я плакала. Понимаете, как меня это потрясло? А разве я виновата, что у меня не было лыж? За что мне «двойку» поставили?.. Я думала: «Господи, вот бы у нас сейчас были лыжи...» А как я мечтала о коньках — у нас были одни коньки на всех... Я о глобальном не мыслила, я мечтала о таком маленьком, чтобы у всех что-то было свое...» (Женщина, 52 года, высшее гуманитарное образование).

— «...Я после школы поступала в медицинский институт. Не прошла по конкурсу и пошла работать. И спустя два года, поработала и Пошла работать в торговлю. Мне по месту работы дали направление в... институт (филиал Московского кооперативного)... Родители за меня не выбирали. Я вообще самостоятельная по жизни... Наша семья была недостаточно материально обеспечена. Хотелось создать какую-то базу для дальнейшей жизни...» (Женщина, 42 года, высшее гуманитарное образование).

В качестве мотивации, определившей первичный профессиональный выбор, следует отметить различные **ресурсные ограничения** — свои или родительской семьи (от состояния собственного здоровья до материального положения и/или связей родителей). Однако в данном случае собственные профессиональные устремления не мотивировались материальной заинтересованностью, но корректировались и изменялись с учетом этих ограничений.

— «...Я хотела на юридический поступать. Мне очень нравилось. Но в момент окончания — это 70–80-е годы — у нас можно было попасть только в МГУ. Юридический факультет был там и в ЮЗИ (Юридическом заочном институте). Но это после отработки трех лет. Со всякими препонами. И такой негласный был закон — девчонок не брать. А в университет, конечно, надо было поступать с пятерочным аттестатом. У меня аттестат был «4,5» (средний бал)... мне история очень нравилась. Хотя я себя не представляла в роли преподавателя. Я поняла, что не поступлю. А биться головой в дверь... У нас (с родителями) были прекрасные отношения. Как-то сели на семейном совете, поговорили, решили (поступать в педагогический на историю)...» (Женщина, 46 лет, высшее педагогическое образование).

— «...Я училась в (московском) техническом вузе... В нем в свое время учился папа, а потом мой брат, хотя мы по сути оба были гуманитариями. Я окончила немецкую школу и понятно, что я, скорее, гуманитарий. Но был некий страх, внушенный мне, может быть, с детства, что блата нет, связей нет, национальность не та. Почему-то было воспитано отношение, что в институт надо попасть обязательно, и самое страшное — это не попасть. Я сейчас не уверена, что это так. Может быть, что-то в этом и было... В раннем детстве были какие-то бредовые мечты — стать балериной, актрисой. А потом у меня была мечта заниматься языком, но тоже как-то не сложилось. Я думаю, что осознанной мечты просто не было. Более того, у меня была явно занижена самооценка. Во многом это было связано со школой, потому что я была, мягко говоря, не отличница. Я не была двоечницей, я была «середнячком» с приличным языком, но не претендовала ни на какие высоты. Меня окружали ребята в школе, которые на них претендовали ...» (Женщина, 45 лет, высшее техническое образование).

— «Была детская мечта — стать летчиком. Потом выяснилось, что здоровье не позволяет. И потом я повзрослел и начал понимать, что там не столько романтики, сколько проблем. Кроме того, у отца один из старших братьев был летчиком, воевал во время войны и после войны служил — он был военным летчиком. В общем, он крайне отрицательно отнесся к моей идее стать летчиком... (поступил в технический вуз)». (Мужчина, 50 лет, высшее техническое образование).

— «...Я поступала на вечерний (вечернее отделение вуза), потому что... у меня не было каких-то «рук или ног волосатых» (знакомств, блата). Я очень боялась, что не поступлю, и поступила на вечерний» (Женщина, 46 лет, высшее естественно-научное образование).

И, наконец, последней возможностью первичного профессионального выбора оказался **временный отказ от него**, по-видимому, связанный с несовпадением социально нормированного жизненного расписания (выбор типа образования, профессии после окончания средней школы) и несформированными профессиональными установками личности. Такой отказ проявлялся в двух вариантах и только девушками.

Принятие складывающейся ситуации, жизнь «в настоящем», рассмотрение его как возраст «акмэ» — вершинный, лучший возраст своей жизни при неопределенности жизненного проекта:

— «...Я закончила 10 классов. Счастливое, считаю, детство было и школа... После школы пыталась поступить в институт — не поступила. Пошла работать... Я просто наслаждалась жизнью. Я просто была счастлива. Такого чтобы недостижимого (чего-то) у меня в молодости не было» (Женщина, 51 год, без высшего образования).

Переживание состояние моратория (Э.Эриксон), связанное с поиском себя (неуверенностью в своих силах, неопределенностью устремлений, поисковой активностью, в том числе связанной с риском), откладыванием принятия решения о профессионализации — своеобразная задержка в подростковом возрасте:

— «...Сразу не поступила, поэтому не очень понимала, что делать. Как-то профориентацией занимались значительно меньше, чем сейчас. Ну, и не было такого желания... Было, наверное, желание, как у всех, поступить в вуз, но то, что это крайне необходимо, такого не было. Ну, было желание — я хотела работать водителем такси. Но так как у меня было плохое зрение, мне этот путь был заказан — сразу сказали, что это бесполезно. Чтобы понять, чего я хочу, я поехала на Камчатку на полгода... Может быть, объявление прочитала, и захотелось экзотики, романтики, посмотреть на новые места. Я девочка домашняя была, особо много не видела, а тут интересно — Камчатка далеко. Ну, и сейчас интересно, я думаю, хотя сейчас немножко другая ситуация — люди везде бывают, все видят. Тогда как-то меньше перемещались и по работе, и по поводу путешествий, и действительно было интересно проехать через всю страну, все посмотреть, увидеть океан. Если живешь в центральной части России... Съездила туда, посмотрела, как там. Когда вернулась, уже более осознанно, наверное, свою жизнь строила». (Женщина, 53 года, высшее педагогическое образование).

Продолжение семейных профессиональных традиций привело к формированию различных типов идентичностей у наших респондентов.

Несформированная личностная идентичность присуща 40-летним, сделавшим свой профессиональный выбор, мотивированный извне, при отсутствии артикулированных собственных интересов или намерения их реализовать. Мужчины и женщины представлены здесь в равной степени.

Принятие решения о выборе профессионального пути на основании стремления к материальной обеспеченности не распространено. Всего три участника проекта делали свой выбор, основываясь на соображениях материального характера. Вероятно, такой тип профессиональной мотивации больше соответствует мужскому стилю жизни, чем женскому. Кроме того, в результате начавшейся впоследствии перестройки такое прагматическое отношение к профессии оказалось востребованным и социально адекватным.

Выбор профессии с учетом ресурсных ограничений в большей степени присущ женщинам. Такая траектория в основном связана с кажущейся невозможностью (заниженным уровнем притязаний?) поступить туда, куда хотелось первоначально. В

результате принималось другое решение, которое было легче реализовать, зачастую при поддержке родительской семьи.

Еще одна возможность профессионального самоопределения заключается в его отсутствии. Такое решение среди наших респондентов принимали только женщины. Возможно, на молодых людей большее давление оказывали родители и социальные нормы, предписывающие им наличие выраженной «достиженческой» мотивации. Девушки же могли отсрочить свой профессиональный выбор (в том числе явно или неявно ориентируясь на создание своей семьи). Однако такое решение оказалось неплототворным в долгосрочной перспективе.

Следует помнить, что наши респонденты делали свой профессиональный выбор в условиях социальной стабильности СССР, когда мораторий переживало немного молодых людей. Можно предположить, что поколение россиян, осваивавшее профессию в период радикальных социальных изменений, демонстрировало его гораздо чаще.

В целом же наиболее распространенной стратегией первичного профессионального выбора поколения 40-летних россиян был целевой выбор, мотивированный изнутри.

Литература

- 1 Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. — М.: Тривола, 1995.
- 2 Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989.
- 3 Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М.: Просвещение, 1968.
- 4 Пряжников Н. С. профессиональное и личностное самоопределение. — М.: Воронеж, 1996.
- 5 Москаленко О. В. Психология профессиональной карьеры государственного служащего. — М.: Изд-во РАГС, 2006.
- 6 Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб., 2000.
- 7 Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности. — М., 1994.
- 8 Зеер Э. Ф. Психология профессий. — Екатеринбург, 1997.
- 9 Слободчиков В. И., Исаев Е.И. Психологические условия введения студентов в профессию педагога // Вопросы психологии. 1996. № 4.
- 10 Титма М. Х., Саар Э. А. Молодое поколение. — М.: Мысль, 1986.
- 11 Кон И. С. Психология юношеского возраста: (проблемы формирования личности). — М.: Просвещение, 1979.
- 12 Эриксон Э. Детство и общество. — М., 1996.
- 13 Levinson D.J. The seasons of a man's life. — New York: Ballantine Books, 1979.
- 14 Маркова А. К. Психология профессионализма. — М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996.
- 15 Крайг Г. Психология развития. 7-е междунар. изд. — СПб.: Питер, 2000.
- 16 Bee H.L. The journey of adulthood. — New York: Macmillan Publishing Company, 1987.
- 17 Cascio W. F. Trends, paradoxes, and some directions for research in career studies // Handbook of Career Studies. 2007. URL: http://sage-reference.com/hdbk_career/Article_n31.html.
- 18 Wrightsman L.S. Adult personality development. Vol. 2. Applications. Thousand Oaks, Calif. Sage Publications, 1994.

- 19 Ко дню студента: зачем идти учиться? Пресс-выпуск № 1415 от 22.01.2010 // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [веб-сайт]. 2010. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13090>.
- 20 Солодников В. В., Солодникова И. В. Зрелый возраст в контексте жизненного пути // Мониторинг общественного мнения. 2009 № 2 (90).